

Тени «желтого доминиона» -2: Пролог

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Тени «желтого доминиона» -2: Пролог ПРОЛОГ

Лицо у Каракурта коричневое, будто продубленное, в глубоких морщинках. На Ашира Таганова поглядывали большие настороженные глаза с красными прожилками в белках. Теперь арестованный не отмалчивался, говорил беспрестанно, хотя в основном о событиях, не связанных с ним. Но не чувство раскаяния руководило им – ведь сам он искренним никогда не был и даже не представлял себе, как может человек быть до конца откровенным, особенно когда нужно отвечать за содеянное. Страхась больше всего расплаты, Каракурт пытался то обмануть Таганова, то разжалобить его, то убедить в том, что все годы, проведенные в эмиграции, он был лишь простым исполнителем, пешкой, которую хозяева переставляли туда, куда хотели.

Следователь не перебивал Нуры Курреева – пусть выговорится! Увлекаясь, тот пробалтывался порой о таком, что интересовало советские органы контрразведки. Временами Куррееву казалось, что Таганов, как ни странно, терял к нему всякий интерес, и это еще больше распаляло его, растравляло болезненное самолюбие, заставляя вспоминать все новые подробности своих долгих скитаний по чужим весям. Но он ошибался: Таганов внимал каждому слову Каракурта, ибо знал, что имеет дело с хитрым и опытным врагом, способным изобразить и смущение, и подавленность, дабы ввести в заблуждение чекиста. От него не ускользнуло, что Курреев часто с трудом подыскивал нужные туркменские слова, путая их с немецкими и английскими. Так бывает с людьми, надолго разлученными с родиной.

Допрашивая Каракурта, Ашир Таганов иногда рассказывал тому легенды и притчи, умышленно напоминал о прошлом, ибо тот еще жил давними представлениями о Туркмении, а экскурс в старое будоражил в нем воспоминания о детстве, юности, родном ауле... А

о новой жизни Курреев имел весьма смутное представление: он все еще находился во власти фантастических измышлений, распространяемых о республиках Средней Азии западными радиостанциями наподобие «Свободы», где Каракурту самому пришлось послужить не один год.

Курреев немало удивлял Таганова. Как-то на допросе Каракурт неожиданно кинулся к окну. Но Ашир спокойно отнесся к его выходке – кабинет находился на третьем этаже, окно зарешечено густой сеткой. Курреев прижался лицом к сетке и, шумно потянув ноздрями воздух, проговорил:

– Чуреком пахнет... Я не ошибся?

– Нет, не ошибся, – Таганов указал глазами на стул, предлагая Куррееву вернуться на место. – Вокруг нашего здания жилые кварталы. У некоторых во дворе тамдыры...

– В городе – тамдыры? Как в Конгуре...

– Нас это не удивляет. Никакой магазинный хлеб не может сравниться с чуреком, испеченным вручную. Для кого-то это экзотика, для другого же – родной аул, откуда начинается его родина... Там он родился, вырос, там жила его мать, руки которой пекли для него чурек.

– Я забыл вкус туркменского чурека, – Курреев опустил голову. – Столько лет прошло...

Таганов вытянул ящик письменного стола, достал сверток и протянул его Куррееву.

– Ты принес мне чурек?! – Курреев, быстро разворачивая сверток, ощутил сквозь бумагу тепло свежее испеченного хлеба. – Целый чурек. Можно, я попробую только? Сил терпеть нет.

– Это Айгуль испекла, – Таганов кивнул. – Она знает о тебе. Только детям пока не говорили.

– Айгуль?! Она знает, говоришь? Значит, не забыла? – Курреев застыл с поднесенным ко рту кусочком хлеба.

– Как видишь... Это ты, Нуры, забыл.

– Не забыл я! Нет, не забыл! Клянусь аллахом! Пусть мраком станет для меня светлый день.

– Без истерики, Нуры. Ешь лучше!

Курреев неторопливо прожевал кусочек, второй, завернул чурек в бумагу, стряхнул крошки с брюк. Заметив укоризненный взгляд

Таганова, тихо произнес:

– Я что-то сделал не так, Ашир?..

– Забыл, как свят хлеб в народе? Какой же туркмен хлеб под себя бросит? Пусть даже крошки. Забыл притчу старого Аннамурата-ага? Про чабана, обронившего в песок кусочек хлеба. Как долго искал... Да и мудрено отыскать, песок ведь. А дело было под вечер. Чабан заприметил то место, воткнул, как вешку, свой посох, чтобы с рассветом поискать снова. Утром – хоть и далеко уходил, но вернулся, а там, видит, – посох, воткнутый в песок, стал золотым.

– Вспомнил, Ашир... Да. Я жил среди таких, кто по-людски и хлеба не ел, а если и ел, то не знал ему цены. – Курреев опустился на колени, подобрал с пола хлебные крошки.

– Надеюсь, ты помнишь хорошо? Двадцать восьмой год. Я напому тебе... Иран, старый караван-сарай в горах. Твоя первая встреча с Вилли Мадером. Так в какую националистическую организацию ты вступил тогда по его совету?

– Она называлась «Шарк Юлдуз», что значит «Звезда Востока». Ее возглавлял муфтий Садретдин-хан, узбекский националист, друг Алим-хана, бывшего эмира Бухары.

– Этот центр был в иранском городе Мешхеде... Что ты можешь сказать о деятельности другого националистического центра – в афганском городе Герате?

– Это «Общество туркестанского национального объединения». В нем верховодил Аннакули Курбансеидов, туркмен, известный богач. Там состояли Джунаид-хан и его сыновья.

– Но ты тоже там состоял!

– Я больше в Иране отирался и был далек от его дел.

– Ты несколько раз участвовал в заседаниях этого общества.

– По заданию Мадера.

– На заседания приходили только его члены. Посторонних туда и близко не подпускали.

– Я числился членом номинально, – вздохнул Каракурт. – Активного участия в его деятельности не принимал. Мадера интересовали члены общества.

– Не только это, Нуры. Если забыл, так я напому... В тридцать пятом году среди афганских туркмен затеяли сбор средств на

нужды эмиграции. Ты разъезжал по Гератской провинции, побывал в Мазари-Шарифе и у туркмен под Кабулом. Всюду ты выступал от имени общества, призывая вносить пожертвования на борьбу с Советской властью. Тогда вы собрали свыше семисот тысяч рупий и заработали благодарность от Мадера. А теперь вспомни тридцать шестой год. От имени этого же общества ты уговаривал афганских туркмен открыть в Кабуле Дом для эмигрантов. С кем только ты не встречался? И с Джунаид-ханом, и с его сыновьями, и с влиятельными афганцами, даже с одним королевским генералом. Дом открыть удалось, и ты, Нуры, снова заслужил похвалу Мадера. Ведь Дом для эмигрантов, по сути, стал филиалом германского абвера, а все твои поездки по Афганистану служили одной цели – созданию шпионской сети в стране, вербовке новых агентов. Так что, Нуры, от этого общества тебе отмахиваться просто неприлично.

– Да, кое-что я забыл, Ашир.

– Тебе хочется забыть! Но мы ведь условились, Нуры, говорить обо всем без утайки. Да, я знаю, ты больше жил в Иране, Мадер держал тебя под рукой. Но ты поспевал всюду и с заданиями хозяев справлялся блестяще. Все тобою были довольны – и Мадер и Кейли... Так какие организации тебе еще известны? Я имею в виду националистические, действовавшие против СССР.

– В иранском ауле Хасарча действовал Туркменский национальный союз во главе с Кульджаном Ишаном, в Стамбуле – Туркестанское национальное объединение. Денег на то не жалели...

Надо сказать, что в то время в Иране и Афганистане возникло немало и других организаций из числа узбеков, казахов, туркмен. В конце двадцатых и в начале тридцатых годов в странах Ближнего и Среднего Востока антисоветские организации появлялись как грибы после дождя. Их всех роднило одно – ненависть к Советской власти. Но руководители эмигрантских организаций понимали, что на одной ненависти далеко не уедешь и им самим с Советами не совладать. Нехватка денег и сил заставляла их искать выход. Какой? Искать хозяина! А хозяева тем временем подыскивали себе слуг. Так что каждый обрел то, что искал... За спиной каждой эмигрантской организации встали разведки Англии, Германии, Франции. Они снабжали отряды

басмачей оружием, боеприпасами, транспортом. Ничего не жалели – ни золота, ни денег. Лишь бы воевали, расшатывали Советскую власть...

– Кое-кто денег не жалел, а вы – свои души.

– У меня не было иного выбора!

– Не криви душой. Был выбор и у тебя, сына и внука батрака. Родина, Айгуль, твои дети, твоя земля, на которой ты сеял хлеб.

– Я боялся. За Мовляма, за службу у Джунаид-хана.

– Лучше понести кару, чем заживо похоронить себя на чужбине. Присягать чужому знамени, воевать против своего народа – это страшнее смерти. А сколько честных людей, наших сверстников, ради Отчизны приняли смерть... Помнишь легенду нашего старейшины Аннамурата-ага? Он часто рассказывал ее нам, детям Конгура. Умирая, молодой падишах умолял аллаха сохранить ему жизнь, мол, он еще очень молод, красив и не успел насладиться прелестями земного бытия. Тогда ангелы смерти, пришедшие за ним, сказали: «Аллах не отнимет твою жизнь, падишах, если вместо тебя кто-то другой примет смерть». Вместо падишаха согласилась умереть его молодая жена. Ангелы увели с собой молодую шахиню... Почему же она, тоже молодая и, видимо, не меньше падишаха любившая жизнь, согласилась на самопожертвование? Да потому, что падишах был для нее олицетворением Отечества, и молодая женщина принесла в жертву себя – ради родины, ради любви...

– Когда человек молод, он думает только о себе.

– Это ты о себе говоришь! Неужели за эти годы не задумывался о своем народе, о Родине?! Какую мы войну пережили! Не только на фронте, где днем и ночью лилась кровь наших джигитов, где сложили головы лучшие сыны и дочери народа, но и в тылу. Все шло на фронт, для победы над фашизмом. Айгуль, дети твои тоже пережили это...

Нуры тяжело вздохнул, опустил глаза:

– У тебя, Ашир, судьба сложилась счастливо. Ты всю жизнь провел дома, где и стены приходят на помощь. Ты по жизни шагал, как по укатанной дороге. Хотя догадываюсь, что в войну побывал в Германии. Не помню где, не то в Италии, не то в

Германии, мне говорили, что некий перебежчик Таганов исправно немцам служит. Подумал – однофамилец. Только теперь понял, что это был ты, Ашир. Ты прожил под чужой личиной каких-то три-четыре года, зная, что тебя ждут на Родине, а я рядился в эту шкуру всю жизнь, без какой-либо надежды. Я считал себя орлом. И эту сильную хищную птицу, оказывается, можно приручить. Ты знаешь, как это делается? Однажды в Иране, в Туркменской степи, видел. Меня это так потрясло, что на всю жизнь запомнил.

– Поймать птицу не составляет больших трудов, – начал рассказывать Нуры. – Для приманки нужно посадить в сеть голубя, зайца или кеклика[1] и устроить засаду... Попал орел в сеть – не зевай, вяжи... А через какой-то месяц, смотришь, и вольнолюбивая птица в хищных руках человека превращается в послушное существо. Поверить трудно! – Нуры дернул воротник, будто он душил его, и продолжал:

– Хитер человек на выдумки. Поймав птицу, он тут же надевает ей на голову кожаный колпачок, и мир погружается для нее во тьму. И это после высокого неба, где орел первым встречал зарю. Пленника сажают в юрте на аркан, слабо натянутый между решетчатыми стенками, и теперь ему, привыкшему на воле чувствовать под собой твердую опору на скале или дереве, приходится с огромным трудом удерживаться на весу. Для орла наступают самые мучительные дни, нет ему покоя ни днем ни ночью, так как все в многочисленной семье охотника, стар и млад, проходя мимо него, считают нужным дернуть за аркан. По ночам встают специально, чтобы растормошить дремлющую птицу, а на рассвете сам хозяин тоже тряхнет – не спи! У бедного одна забота – не потерять равновесия, удержаться, не сорваться с зыбкого аркана.

Охотник иногда дает птице отдохнуть от мучений, чтобы еще больше привязать к себе. Он ласково гладит ее, что-то приговаривая, снимает с головы колпачок, сажает на руку, одетую в кожаную перчатку, и протягивает кусочек вяленого мяса. Орел жадно хватает пищу, разглядывает своего избавителя, прислушивается к его голосу, а охотнику только того и надо... Затем на птицу снова надевают кожаный колпачок и сажают на

раскачивающийся аркан, снова не дают покоя. Это же пытка!

Немного помолчав, Нуры продолжил:

– И когда охотник еще раз приходит как спаситель, снимает с глаз орла темную завесу и кормит с рук, то для него уже нет ничего милее лица и голоса хозяина, его перчатки, с которой и белый свет видит, и покой обретает, и еду получает. С того дня гордый, независимый орел верно служит своему хозяину. На охоте он снова видит высокое небо, но уже с руки хозяина, где восседает на кожаной перчатке, вновь взмывает ввысь, но чтобы устремиться за добычей. Опять-таки для хозяина. Казалось бы, взлетел – и свободен, лети на все четыре стороны. Воля! Но нет – орел, поднявшись в небо за добычей, непременно вернется с ней к хозяину, так как его ждет награда – кусочек вяленого мяса.

– Но ведь орел – неразумное существо, не знает, что он невольник, – с усмешкой перебил Таганов. – Он не сознает, что может освободиться от ярма хозяина. Взять да улететь. Даже с добычей. Так то птица – орел, а ты, Нуры, – че-ло-век!

Курреев помотал головой, поняв, что своим рассказом противоречит самому себе... Вряд ли орел, становясь слугой человека, испытывает чувство унижения, погранного достоинства. А вот Нуры Курреев, всякий раз поступая под начало нового хозяина, переживал, терзался.

– А что мне оставалось делать? Иначе я подох бы голодной смертью! Я догадываюсь, почему ты усмехнулся. Может, смеешься, что сравниваю себя с такой царственной птицей? Но каждый думает о себе хорошо.

– Это право каждого, – примирительно проговорил Таганов. – Знаю одно – ты мог вернуться домой. Страх, как тот кожаный колпачок, заслонил от тебя белый свет. Ты и сейчас еще трусишь, стараясь что-то утаить. Но многое из того, что ты рассказываешь, нам давно известно. Единственное сейчас твое спасение – это откровенное признание. Разве ты не испытываешь потребности обо всем рассказать?

– Бывает такое... временами, – Курреев виновато пожал плечами. – Я постараюсь, Ашир. Можешь задавать любой вопрос.

Таганов включил магнитофон и стал по ходу допроса делать

пометки в своих бумагах. Курреев торопился, словно боялся, что его перебьют, не дадут рассказать обо всем, что вспомнилось сейчас.

...Правду говорят: когда у отары чабанов много, овцы с голодудохнут. Так было и с эмигрантскими организациями, которые возникали, как пузыри в дождь и тут же лопались. В них действовали какие-то темные личности – проходимцы и бандиты, контрабандисты и наркоманы, не брезговавшие ничем: ни убийством и обманом, ни интригами и шантажом. И верховодили ими авантюристы, один похлестче другого, а потому так часто и сменялись. Играя в большую политику, корча из себя народных вождей, больших и малых, они на самом деле занимались шулерством, водили за нос всех ближних – даже своих благодетелей, строили козни, чтобы надуть соперника, оказаться наверху, отхватить кусок пожирнее.

Разведывательным службам Англии и Франции, Германии и Турции, тоже не очень ладившим между собой, изрядно надоела мышиная возня подопечных, и они взялись за создание закордонных координирующих центров, способных объединить все крупные и карликовые эмигрантские организации. Вот когда сгодились и Туркестанский национальный центр – ТНЦ, и «Общество эмигрантов Бухары и Туркестана» («Анджомане мухаджерин Бухара ва Туркестан») – АМБТ, и Российский общевоинский союз – РОВС. И пускай там грызутся между собой туркестанцы – Кейли, Лоуренсу или Мадеру важно организовать работу так, чтобы побольше загребать жар чужими руками.

«Общество эмигрантов Бухары и Туркестана» имело легальный центр в Дели, издавало журнал «Голос эмигранта». В городе Пешаваре на здании филиала этого заведения даже красовалась вывеска с надписью «Комитет счастья Бухары и Туркестана». Подобные филиалы функционировали в Бомбее и Стамбуле, Мекке и Берлине, Дамаске, Париже, Кабуле. Была развернута лихорадочная деятельность по формированию добровольческой мусульманской армии, налажена связь с главарями басмаческих банд.

Особая забота проявлялась о подготовке кадров будущих «спасителей» Бухары и Туркестана. Для этого в Пешаваре, Бомбее и Дели были открыты специальные школы.

- В какую школу тебя направили? – спросил Таганов. – И сколько ты там пробыл?
- Пешаварскую. Там я пробыл три месяца, потом Мадер отозвал. А уйти оттуда было не так просто.
- С каким заданием он тебя послал?
- Школой заправляли англичане. Мадеру хотелось знать об этой школе, иметь там свою агентуру из числа учителей и учеников. Я завербовал там пятерых.
- Кто они?
- Туркмен, казах, узбеки...
- Меня их имена интересуют.
- Ты их знаешь. Их посылали взорвать железнодорожный мост через Амударью. Они были арестованы в Мерве и Чарджуе. Один перед самой войной, трое в войну, – и Курреев назвал имена агентов Мадера. – Ну а остальных курсантов – их там пятьдесят с лишним было – взял на заметку. Многих Мадер уже во время войны завербовал, кое-кого забросил на советскую сторону.
- Ты напиши их имена, – Таганов положил перед Каракуртом чистый листок бумаги.
- Хорошо. Я постараюсь вспомнить, – Курреев свернул листок вчетверо и положил в карман. – Это было так давно. Я подумаю в камере. Ты только дай мне карандаш.
- Какие дисциплины изучались в школе? – Таганов протянул Куррееву остро заточенный карандаш и еще пару листов бумаги. – И почему Мадер так быстро тебя отозвал?
- Изучалась общая грамота, ислам, военное дело. После прихода к власти Гитлера Мадер отправил меня в Стамбул, на курсы при военном училище. Потом в Берлине учился целый год. А из Пешавара он меня отозвал, торопился, чтобы после выпуска из школы не послали сразу в Среднюю Азию. А в школе я даже самого начальника курсов завербовал!
- Сколько в Стамбуле пробыл?
- Тоже год. Там я в ресторане подрался с одним турком, ребро ему сломал. Он оказался офицером, сыном какого-то паши. Мадер избил меня и срочно выдворил из Стамбула. Уберег тем самым от самосуда турок, которые днем и ночью ходили за мной по пятам. Ну а в Берлине с учебой у меня не клеилось. Способностей не

хватало. Непоседлив я. Сбегать, слетать, достать, повернуть – это по мне. Мадер как-то говорил – дескать, хотел из Курреева сделать деятеля типа Чокаева или Вели Каюма – не получилось.

– А кого Мадер прозвал «мой маленький туркменский Отто Скорцени»?

– Вам и это известно? – Курреев, потупившись, исподлобья стрельнул глазами в Ашира. – Меня... Мадер поручал мне самые щекотливые задания, и я исполнял их чисто, без шума. Одного американского офицера после войны пришил, тоже по приказу Мадера. Конечно, до Отто Скорцени мне далеко. Мадер, как многие немцы, был тщеславен. Сравнивая меня со Скорцени, он возвышал себя. Значит, себя он видел фюрером. А Скорцени был хам и кретин, у которого исправно работали руки и челюсти. Мозгов же было столько, сколько у курицы. Один немец как-то мне говорил: «Отто Скорцени – это гориллоподобный человек с повадками зверя, который спит, жрет, ходит в сортир и – главное – проворно исполняет волю Гитлера».

– Мы чуть забежали вперед, – улыбнулся Таганов. – Рассказывай по порядку. Давай вернемся в тридцатые годы...

И Курреев вернулся в тридцатые годы, в Иран и Афганистан, где «Общество эмигрантов Бухары и Туркестана», возглавляемое реакционным духовенством, запуская щупальца и в мешхедский «Шарк Юлдуз», и в Герат – к сторонникам Джунаид-хана, и в окружение Ишана Халифы, крупного басмаческого предводителя, по своему авторитету в эмигрантских кругах соперничавшего с Джунаид-ханом и бывшим эмиром Бухары Алим-ханом. Пыталось оно повлиять и на Туркестанский национальный центр.

Но не тут-то было. Дело в том, что сторонники АМБТ и ТНЦ поклонялись разным идолам: первые исповедовали панисламизм, вторые – пантюркизм. Лидеры АМБТ спекулировали на религиозных чувствах простых мусульман, пытаясь привить им ненависть к СССР, объединить их на борьбу с Советской властью. При этом они ссылались на аллаха, который, дескать, сам повелел свергнуть большевиков, советский строй. Нечто подобное проповедовали и пантюркисты.

Панисламисты утверждали, будто анатолийские турки, узбеки, туркмены, киргизы, татары, башкиры и другие тюркоязычные

народы происходят от одного пранарода – древних тюрков – и что все эти национальности, имеющие каждая свою самобытную древнюю историю, якобы являются родственными по крови племенами и происходят от одного прародителя. Однако панисламизм, укрепляя позиции ханов, баев и мулл, призывал под знамя ислама всех мусульман, независимо от их языка, и считал, что политический союз мусульман во главе с халифом важнее всех других государственных и политических объединений.

Пантюркисты проповедовали объединение под эгидой Турции не всех мусульман, а только народов, говорящих на тюркских языках, и прежде всего тюрков-мусульман, якобы являющихся одной нацией. Они утверждали, что все тюркоязычные народы принадлежат к одной расе и будто турецкий язык – первоисточник, праязык, от которого произошли все языки мира. Ратуя за создание «Великой Турции», пантюркисты считали, что она должна объединить территории Кавказа, Крыма, Поволжья, Средней Азии, Казахстана – словом, все земли, где жили или живут народы, говорящие на тюркских языках.

Но когда турецкие националисты имели дело со странами с тюркоязычным населением, они стояли за пантюркизм, а когда им приходилось обращаться к народам, говорящим на других языках, например, к арабам, таджикам, афганцам, тогда они пускали в ход идеи панисламизма. Недаром на Востоке говорят: «Остерегайся не барса с тремя пастями, а человека с двумя лицами».

Панисламизм и пантюркизм – разновидности реакционных учений, взятых на вооружение эмигрантскими организациями, суть которых сводилась к тому, чтобы собрать под знаменем ислама все темные силы и объявить войну Советскому Союзу. Хотя эмигрантское отребье, объединенное глухой ненавистью к первому в мире социалистическому государству, и дудело в одну дуду, но «боги» у них были разные и, главное, – кошельки врозь. За АМБТ стояла английская Интеллидженс сервис, за ТНЦ – германская разведывательная служба.

Британская разведка долгое время делала ставку на бывшего бухарского эмира Алим-хана, человека сказочно богатого, имевшего много сторонников, и умело использовала его авторитет

и средства в тайной и открытой войне против СССР. Так длилось до тридцать первого года, до разгрома басмаческих отрядов Ибрагим-бека, на которого Алим-хан возлагал большие надежды. Крах басмачества в Средней Азии подорвал его веру в победу над Советской властью. Разуверился эмир бухарский и в англичанах, которые заметно уступали свои позиции германской разведке. Чем дальше – тем больше. И бывший эмир Бухары стал отходить от политической деятельности, занялся коммерцией, пустив в торговый оборот богатства, награбленные некогда в Туркестане. Рабы обычно радуются бессилию своего господина. Так и Курреев, вспоминая своих бывших хозяев, смаковал их слабости, пороки или неудачи. Злорадствуя, он как бы мстил им задним числом и несказанно радовался, когда вдруг неожиданно для себя обнаруживал, что те, перед кем сам он некогда трепетал, были не такими уж всесильными, какими казались тогда. Оказывается, они, как и все простые смертные, также пеклись только о себе, о своих благах. А он, глупец, лез из кожи вон, полагая, что свет сошелся на них клином.

В спокойный, рассудительный тон Курреева вкрались ехидные нотки:

– Самому эмиру коммерцией заняться кишка была тонка. Тут голову ломать надо, соображать да нос по ветру держать... Его делами заправлял один дошлый коммерсант. Дальний родич эмира. Знал я его. Да эмир сам потом опростоволосился. Всюду трезвонил о святом деле ислама, о бескорыстии в борьбе с большевизмом, а сам на кассу АМБТ позарился. На деньги, что оно получило на закупку оружия, на борьбу с Советами. Все думали, эмир – человек бескорыстный... Если ему не верить, то кому еще? А он взял да и пустил в торговый оборот общие деньги. Ловко! Только лидеры АМБТ не оставили в покое своего бывшего кумира. Опозорили на весь белый свет. В международный суд подали на него. Скандал был какой! Судили. Слупили как с миленького... – Курреев довольно потер ладонями, неожиданно спросил: – Правду говорят, что Алим-хан в сорок третьем году обратился к Сталину с просьбой?

– О чем это ты? Скажи яснее, – Таганов загадочно улыбнулся.

– В сорок пятом Алим-хан отдал богу душу. Это я точно знаю... А

вот в сорок третьем эмир, видно, готовясь к смерти, говорят, обратился к советским властям с просьбой выделить ему два квадратных метра на священной земле, у мавзолея святого Хезрета Бехауддина, что под Бухарой... Ну, чтобы похоронили его там. А Сталин, рассказывали, отказал, ответив: «Нечего поганить советскую землю». Правда это, Ашир?

– Наша печать об этом ничего не сообщала, – усмехнулся Таганов. – Могу сказать лишь о другом, что мне известно. Эмир бухарский, я знаю, всю жизнь мечтал иметь меч из метеорита или, как говорят, из «небесного металла». Оружие, изготовленное из него, будто бы священо и непобедимо. Как-то прослышал эмир, что у Джехангира, одного из Великих Моголов, некогда правивших Индией, хранились в сокровищнице две сабли, кинжал и наконечник копья, сделанные искусными индийскими оружейниками. Ездил эмир в Индию, пытался за баснословную цену приобрести что-нибудь из этого оружия, чтобы потом им своих врагов сокрушать. Да не удалось: то ли не сторговался, то ли англичане еще раньше вывезли эти реликвии. И тогда правитель Бухары решил на страх врагам изготовить меч из «небесного металла» у себя в эмирате. Но ничего у него не вышло, хоть и пришлось казнить лучших своих оружейников, так и не сумевших выковать «священное оружие» из метеоритного железа. Оказывается, в «небесном металле» большая примесь никеля, а он, как известно, горячей ковке не поддавался.

Курреев снова довольно потер ладони, будто радуясь неудачам бывшего эмира, и, чуть помолчав, вернулся к своему прерванному рассказу:

– Так что уход Алим-хана в коммерцию понятен... Обидно ведь стало старому английскому агенту, у которого стаж службы в Интеллидженс сервис был побольше, чем у всех нас. Алим-хан терпеть не мог Ишана Халифу, который заявился в Афганистан в двадцать первом году, после неудачной осады города Керки басмачами и белогвардейцами. Там Ишан Халифа руководил осадой. У Алим-хана были свои причины ненавидеть его. Беглый эмир и в Афганистане продолжал считать себя владыкой Бухары и выше себя

в эмигрантских кругах никого не видел. А тут как-то собрались все эмигранты и стали судить-рядить, кого же назначить падишахом после свержения в Туркестане Советской власти. Центром «независимого мусульманского государства» избрали Ташкент. А кого падишахом? Иные думали – Алим-хана. Да и сам эмир так предполагал. Кого же еще?! А тут взяли да и назвали Ишана Халифу. – Курреев залился злорадным смешком и, прокашлявшись, продолжил: – Алим-хан не мог простить этого Ишану Халифе, отказывался иметь с ним дело, вел себя как капризный ребенок, которого обошли подарком. Он все винил Джунаид-хана, говорил, что туркмены строят против него козни, хотят его с белого света сжить. Конечно, к избранию Ишана Халифы падишахом руку приложил и Джунаид-хан, но секрет тут в другом: германская разведка захотела видеть падишахом этого своего агента. Ну а на Джунаид-хана немцы надавили...

Действительно, Ишан Халифа, чтобы оправдать доверие своих хозяев, ускорить свержение Советской власти в Средней Азии, лично забросил в район Керки несколько басмаческих банд агентов-курьеров, которые почти не занимались разбоем, а доставляли антисоветскую литературу, шифрованные письма, вывозили за кордон ответы на них, ценности, переправляли связников.

Руководители афганского филиала АМБТ, в том числе Джунаид-хан и Эшши-хан, с приходом к власти Гитлера заплясали под дудку германской разведывательной службы, стали платными агентами абвера. И запели они по-иному: дескать, немцы и японцы – великие и непобедимые нации. Только они, и никто другой, способны освободить советских мусульман от заклятых гяуров. А поэтому, мол, надо крепить дружбу и сотрудничество с ними, чтобы одолеть большевизм, либо умереть за веру... на стороне Германии.

Ишан Халифа, уже видя себя в роли падишаха Туркестана, лез из кожи, чтобы объединить усилия филиалов АМБТ, ТНЦ и РОВС. За это же взялись Мустафа Чокаев и Садретдин-хан, главари белой эмиграции, втайне ненавидевшие друг друга, но шагавшие в одной упряжке: просто выжидали удобный момент, чтобы дать подножку «ближнему». Во все филиалы ТНЦ Мустафа Чокаев разослал

пятнадцать эмиссаров с заданием развернуть разъяснительную работу среди эмигрантов, организовывать сбор средств, создавать новые ячейки ТНЦ не только в Иране и Афганистане, но и в городах и селах Советского Туркменистана. Эмиссарам вменили в обязанность формировать из эмигрантов вооруженные отряды, которые должны быть готовы к тому, что Япония вот-вот нападет на СССР, и тогда войну между двумя странами надо будет использовать для освобождения Туркестана от большевиков и провозглашения там тюркского национального государства.

Вскоре разговоры о войне между СССР и Японией приутихли, но немецко-фашистская разведывательная служба стала усиленно распространять среди эмигрантов слухи о том, будто Советский Союз задумал захватить Иран.

Ишан Халифа, тоже выполнявший задание гитлеровской разведки, в сентябре 1940 года созвал совещание, на котором обсуждались задачи туркменской эмиграции в связи с предстоящим нападением СССР уже... на Афганистан. «Будущий падишах Туркестана» повторил измышления о том, что Советский Союз готовит вооруженную агрессию против своего южного соседа, а потому, мол, эмигранты должны объединяться в вооруженные отряды, чтобы помочь афганскому правительству отразить вторжение советских войск.

Разведки империалистических государств охотно пользовались и услугами «Российского общевоинского союза» – РОВС, известной белоэмигрантской организации, объединявшей ярых врагов Советской власти. Ее филиалы были разбросаны по многим странам мира. В Западной Европе во главе РОВС стояли белогвардейские генералы Кутепов и Миллер, а его филиалом в Мешхеде заправлял бывший царский полковник Грязнов. Это была далеко не единственная обязанность монархически настроенного офицера, исполнявшего «по совместительству» должность агента Интеллидженс сервис. Действуя вкуче с разведчиками из английского консульства и туркестанскими эмигрантами, он не брезговал ничем – ни уголовными преступлениями, ни политическими или шпионско-разведывательными акциями. Такого типа деятель приглянулся и шефам германского абвера. И Грязнов с приходом к власти фашизма в Германии без сожаления сменил своих прежних хозяев, выторговав себе должность резидента

немецкой разведки. Его стараниями германская разведывательная служба распространяла фашистские издания, вербовала агентуру из эмигрантов.

Тесные контакты с РОВС поддерживали и лидеры туркестанской эмиграции. Бывший советник эмира бухарского Хайдар Мирбадалев стремился скоординировать действия РОВС и ТНЦ. Ярый националист и прожженный интриган пытался даже подчинить себе мешхедский филиал РОВС, а самого Грязнова «обратить» в свою веру. А муфтий Садретдин-хан, выступая в качестве «специалиста по религиозным и национальным вопросам Туркестана», силился помочь РОВС в расширении сферы его антисоветской деятельности на территории республик Средней Азии.

Словом, эмигрантское отребье, хотя и раздираемое внутренними противоречиями, но направляемое одной рукой – международным капиталом, старалось активизироваться, прибегая к общей тактике, используя единые лозунги и призывы, направленные на свержение Советской власти в Средней Азии и Казахстане.

..Теперь Ашир Таганов был доволен Курреевым, который, видимо, понял, что ложь бессмысленна, а потому перестал изворачиваться. Многие из того, что он рассказывал, подтверждалось данными, имевшимися в органах советской контрразведки. Но Ашир все чаще замечал в поведении Нуры какие-то странности: становились тусклыми только что ясные глаза, голос падал и дребезжал. Наркоман! Следовательно лишь удивлялся выдержке Курреева: такие не могут ведь долго обходиться без наркотика, заболевают: одних одолевают скепсис и страх, другие делаются легковозбудимыми и раздражительными. Интуиция и опыт подсказывали Таганову – надо ускорить допрос, побыстрее узнать имена среднеазиатских агентов, переданных Каракурту Вилли Мадером. Однако Ашир твердо знал и другое – нельзя торопить следствие, необходимо прежде детально разузнать о предвоенных годах жизни Курреева, тесно сплетенных с его службой у гитлеровцев, а уж затем и в БНД – федеральной разведке Западной Германии. Тогда в своих показаниях Курреев свяжет себя сам новыми фактами и именами, деталями и датами, что неизбежно будет возвращать его к тем событиям минувшей войны, которые невозможно обойти молчанием. Тут-то он и будет

вынужден, вольно или невольно, рассказать без утайки обо всем, а значит, и назвать имена, пароли и явки агентов, засланных Мадером в Среднюю Азию.

На очередном допросе Курреев произвел на Таганова еще более тягостное впечатление – глаза блеклые и слезливые, весь вялый и сникший. Каракурт что-то забормотал о своих старых болезнях и неожиданно попросил хотя бы один мысгал терьяка[2].

– Лучше перетерпи, может, от дурной привычки и отвыкнешь...

– Не отвыкну я... Это ж не привычка – болезнь. Весь этот месяц не жил я без терьяка. Ни одного дня...

– Не городи чепуху. Что, терьяк тебе прямо в камеру доставляли?

– Да-а-а... Сюда и соринку не занесешь. Был у меня терьяк... В таком виде, что не съешь. Кончился теперь.

Сам Таганов не выкурил в жизни ни одной папиросы, но за время службы ему доводилось иметь дело с наркоманами, хотя ему, следователю, было непонятно болезненное пристрастие иных людей к наркотикам. Но как Курреев сумел пронести в камеру терьяк?

– Я ведь еще там, – Каракурт мотнул головой, – за кордоном, задумал остаться на родной земле. Знал, что терьяком здесь не разживешься, а без него я и дня прожить не могу. Перед тем как перейти границу, я имел чуть ли не килограмм... В трубочках. Мне все-таки удалось тайком пронести часть терьяка, хоть и очень трудно было... А теперь вот все съел... или выпил. Главное, сейчас мне нужен терьяк. Я болею, Ашир...

– Хорошо, я подумаю, как тебе помочь. Но терьяк не обещаю. Теперь к делу... Кого ты еще знал из главарей ТНЦ?

– Никого я не знаю... Никого! – вдруг истерично выкрикнул Курреев и тут же сник, обессиленно уронив голову на руки. Плечи его стали мелко вздрагивать. – Не могу больше... Нет сил, – он поднял голову, в глазах его блеснули слезы. – Ну дай мне немного терьяку...

– Я уже сказал, что подумаю, как помочь тебе.

– Вон американцы чего только не дают своим арестованным. Любой наркотик... Лишь бы арестованный язык развязал...

– Мы не американцы.

– Ашир, ты жестокий человек. Ты мстишь мне за Айгуль и

наслаждаешься моими муками... Если не дашь мне терьяку, то показаний давать не буду...

– Не давать показаний – твое дело. Никто неволить не будет. – Таганов нажал на звонок, и в дверях возникла фигура сержанта-конвоира.

Курреев встал и понуро пошел к выходу. Он еле переставлял ноги, шаркая ими, как дряхлый старик.

Утром следующего дня в кабинете Таганова раздался телефонный звонок. Ашир узнал чуть взволнованный голос своего заместителя, который доложил, что арестованный Курреев отказался от завтрака, грозит голодовкой и вообще ведет себя вызывающе, требует, чтобы следователь немедленно выслушал его. Вскоре Курреева ввели к Таганову. Сев на свое место, Курреев достал из кармана носовой платок. Глаза его были мутные, как арычная вода, слезились, вид у него был какой-то помятый, жалкий.

– Видишь, Ашир, я болею, – Курреев вдруг выпрямился, глаза его – с них на миг спала мутная пелена – мелькнули хищным огоньком. Каракурт положил перед Аширом сложенные вчетверо листки бумаги. – Вот, это списки пешаварских курсантов... Я вспомнил и тех, с кем в Стамбуле и в Берлине учился. Я все сделаю, Ашир. Ты только помоги... Вчера ты пообещал дать мне терьяку...

– Такого обещания я не давал. Лечить будем тебя!

– Нет! Ты не лечить меня задумал, а на тот свет отправить. С чего такая сердобольность? Лечить Каракурта – шпиона и предателя?! Я ненавижу тебя, Ашир! Ненавижу за то, что в твоих руках моя судьба. Ненавижу за то, что мы с тобой, два паренька из одного аула, вместе росли, учились, а судьбы оказались разными. Вся моя беда началась не с меня, а с моего отца. Ничтожного, раздавленного человека, который из-за своей трусости не смылся, побоялся уйти вовремя от Джунаид-хана. А твой оказался попроворнее, знал, чья возьмет. Я жил в таких странах, где под справедливостью понимался произвол. Там тебя могут избить, убить, над тобой измывается каждый, у кого мощна потолще. Разве на насильника найдешь управу, если наверху сидят такие же, как он? Знакомо тебе, Ашир, чувство, когда

тебя могут втоптать в грязь, а ты не можешь даже пикнуть?

Курреев схватил со стола стакан с водой, выпил его большими, жадными глотками и, вытерев губы рукавом, продолжал, торопливо, будто боясь, что его не выслушают до конца:

– В пору юности окружение Джунаид-хана было моим обществом, а он сам – моим кумиром. Я верил ему больше, чем отцу, а он предал меня, бросил на растерзание кизыл аскерам[3], бежал, спасая свою шкуру. А юзбаши, его приближенные? Они дурили друг друга, все скопом обманывали своего хозяина. Даже Эши нагло водил своего отца вокруг пальца. Какой тогда спрос с чужих? С того же ишана Ханоу, который лгал всем, нам и себе. Мустафа Чокаев, когда говорил об освобождении Туркестана и Казахстана от красных, чуть ли не плакал навзрыд – маскарабаз[4] несчастный! А сам торговал своей родиной, готов был положить весь мир к ногам англичан или немцев... Он приласкал Вели Каюма, приблизил к себе, чтобы опереться на него, а тот взял да и отравил своего благодетеля. И поделом!..

– Когда ты впервые встретился с Вели Каюм-ханом? – неожиданно спросил Таганов.

Курреев помолчал, собираясь с мыслями.

– В 1934 году, в редакции журнала «Яш Туркестан», – ответил он. – Помогал Чокаеву выпускать этот журнал, который распространялся среди туркестанских эмигрантов... Да какой он к черту хан! Каюм-хан да Каюм-хан!.. – взорвался вдруг Каракурт. – Ханом его стали величать после того, как он заделался президентом Туркестанского национального комитета. Сам изволил... Хан! Лестно все-таки... Стал ханом в сорок втором, после убийства Мустафы Чокаева. Видать, не без команды свыше. Тут, пожалуй, не обошлось и без Розенберга. Говорят, немцы так и не простили Чокаеву его старую любовь к англичанам. Все подозревали, что он в две руки играет. Да и Вели Каюм, наверное, масла подливал. А так до самой смерти Чокаев был здоров как бык, жрал плов, лакал шнапс. Еще ездил в Италию, шнырял по концлагерям, подбирая желающих вступить в Туркестанский легион. На другой день после возвращения в Берлин его пригласил в гости Вели Каюм. На стол, говорят,

подали любимое блюдо Чокаева – плов. А утром его нашли отравленным. Так Вели Каюм стал президентом и ханом. Так все его знали как сына ташкентского торговца. В двадцать втором он с большой группой юношей поехал учиться в Германию. Хотел стать юристом – не получилось, экзамены завалил. Тогда на сельскохозяйственный факультет подался, окончил с грехом пополам. Многие, кто с ним поехал, вернулись потом на родину, а этот остался, принял германское подданство. Он похлестче самого Чокаева – кроме узбеков и немцев, никого не признавал. Чокаев сам был такой – на такого же нарвался... Говорят, ремесло умирает, если ученик не превзойдет своего учителя... А Кейли? Сколько добра скопил на крови и слезах туркменских дайхан, женщин. Я видел у него девичьи косы, отрезанные, с национальными украшениями. А Мадер? С виду такой обходительный, вежливый, аккуратный, голоса на тебя не повысит. Ради своей «Срединной империи» был готов отдать на заклятие все человечество, но тихо, без шума. Он недолюбливал Гитлера за то, что тот больше кривлялся, чем делал. Мадер произносил высокопарные слова о Германии, а сам больше думал о себе и всю жизнь переводил личные капиталы в швейцарский банк. А Рут, жена Вели Каюма? Агент гестапо! Всю жизнь блудила с другими, а старость доживает с Вели Каюмом, за которым следила, ловила каждое его слово, даже когда были наедине, чтобы потом донести в гестапо. А моя жена Айгуль? Разве она не гуляла с Мовлямом? Его-то теперь нет, зато ты у нее остался. Думаешь, я поверю, что оставил ее в покое? Где же святость семьи?..

– Ты бред несешь, когда об Айгуль так говоришь, – перебил Таганов. – Если на душе темно, это не значит, что весь мир темный.

Курреев часто и шумно задышал, затем, словно опомнившись, заговорил спокойнее:

– Ты, Ашир, как-то говорил о любви... Кто меня любил?

– Ты сам отнял у себя право на любовь.

– Мы по-разному понимаем счастье. У тебя оно хлипкое, интеллигентское, а у меня волчье, такое, какое должно быть у

вольного человека. Счастливый человек – это вольный человек, который всем своим существом осознает свою внутреннюю волю, человек, который не знает условностей, норм поведения. Они лишь отупляют человека, связывают его волю. Счастлив тот, кто отрешен от разума, свободен и может дать полную волю своим чувствам. Святым для него должно быть собственное «я», и только «я»...

– Словом, ничего святого, кроме собственной шкуры.

– А ради чего я должен думать о другом? Переживать за чужого, делиться с ним радостью? Если у меня радость, то она – моя. Я так жил... Я жил в волчьей стае, по ее законам, и сейчас не хочу жить, как ты велишь. Разговоры о чести, о любви к ближнему – это словоблудие. Люди так далеки друг от друга, что их разделяет все – взгляды, интересы, стремления. Потому что каждый живет в своей скорлупе, сам по себе и для себя.

– Случайно в войну ты не слушал лекций в Сорбонне? – спросил Таганов. – Там читал один прохвост, получивший из рук Гитлера диплом профессора. Звали его не то Гийом, не то Рейно, запомнил. В своих лекциях проповедовал теорию потенциальной измены. Она очень напоминает мне твой истеричный монолог.

– Ничьих я лекций не слушал, – чуть спокойней произнес Курреев. – Жизнь – вот мой учитель.

– И еще этот новоявленный профессор, – продолжил Таганов, – чтобы потрафить своим фашистским хозяевам, призывал: «Смирись, человек! Ты – червь! Не ропщи на свою судьбу. Смирись перед силой. Унижайся, и этим унижением ты возвысишься в веках...» И прочую ахинею нес, всего не упомяну... Ты, Нуры, знал только одну Германию – фашистскую, гитлеровскую. Ведомо ли тебе, что была еще и другая, которая не склонила головы перед Гитлером? Так вот эта Германия даже в мрачную пору фашизма свято чтит Томаса Манна, своего великого сына, человека. Антифашисты тайком читали его книги, ибо нацисты запретили даже произносить имя писателя. В одном из своих писем Томас Манн писал друзьям, что человек стоит перед выбором между ангелом и зверем. Кем он станет, зависит от самого человека, от его морали, духовной жизни, от нравственных исканий, от того, как он стремится к тому, чтобы одолеть свои слабости, пороки и

стать настоящим человеком...

Каракурт устало закрыл глаза и сидел молча, пока за ним не пришел конвоир.

...Лечили Курреева опытные врачи Ашхабада. В больнице он посвежел, даже прибавил в весе. Вначале с недоверием относился к медикам, не принимал лекарств, отказывался от уколов, думая, что его собираются умертвить. Но вскоре, убедившись, что ничего дурного ему сделать не хотят, стал выполнять предписания специалистов-наркологов.

Лечение дало свои результаты – Курреева уже больше не мучили приступы наркомании. Теперь, успокоившись, он мысленно возвращался к беседам с Аширом Тагановым и словно со стороны оглядывал свою жизнь. Приходило сознание того, что совсем не так, как следовало, прожил он свой век, весь из сплошных ошибок. Всю жизнь он был одиноким, а чувство одиночества всегда порождает мучительную вереницу воспоминаний, которые тревожат, тербят, терзают душу. Это чувство не проходило и теперь, но раньше он прятался в себя, словно отшельник, чтобы люди вдруг не разгадали его думы. Сейчас ему захотелось с кем-то поговорить, излить душу.

И он снова подумал о Таганове... Робко, несмело, но именно о нем, о Таганове. Как он не подумал раньше? О аллах, эта проклятая болезнь, как всегда, разбудила в нем зверя, и он, кажется, наговорил Аширу непростительное. Ему, только Аширу Таганову, расскажет Нуры обо всем, что передумал, осмыслил по-новому, вспомнил на больничной койке. Он вдруг почувствовал необычайную легкость на душе: казалась, взмахни руками – и запаришь птицей над горами и пустыней, над родной Туркменией.

И Нуры Курреев мысленно полетел к своему прошлому, вспоминая то, что мучительно рвало ему теперь душу. Taghy proza